

Сергей Прокопьев

16+

СТРАДАНИЯ ПАЛАТЫ № 5

А смерть придет - помирать будет

СЕРГЕЙ ПРОКОПЬЕВ
Страдания палаты № 5

«ЛитРес: Самиздат»

2005

ПРОКОПЬЕВ С. Н.

Страдания палаты № 5 / С. Н. ПРОКОПЬЕВ — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Герои повествования – пациенты палаты № 5 отделения трансплантации почек. Они живут в ожидании обретения нового органа, взамен пришедшего в негодность, живут надеждой на полноценное возвращение в среду здоровых людей. Разные по своей сути пациенты объединены смертельной болезнью. Коля-якут ещё вчера был успешным тренером по лыжному спорту. Казах Булат в советском прошлом воин-афганец, в казахском настоящем предприниматель. Игорь из Абакана мечтает вернуться после операции к любимым увлечениям – охоте и рыбалке. Как и все цепляется за жизнь отчаянный пессимист Сараев. Надеется на врачей и милость Божью главный герой повести Павел Колобов. Все находятся у черты земной жизни, все уже заглянули за этот предел, ощутили его холод...

© ПРОКОПЬЕВ С. Н., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Повесть	5
Страдания по Коле-якуту, Булату, Женский день в отделении трансплантации	5
Страдания по Павлу Экспонат от деда	8
Страдания по Коле-якуту Олени, мотоцикл, лыжи	9
Страдания по Павлу Молитва матери	11
Страдания по Булату Под фюрера	13
Страдания по Павлу Нетрадиционное лечение	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Повесть

Страдания по Коле-якуту, Булату, Сараеву, Игорю и Павлу

Женский день в отделении трансплантации

Отделение трансплантации почек накануне 8 Марта соответствовало жестокому романсу: «Стаканчики гранёные упали со стола, упали и разбились, разбилась жизнь моя!» Соответствовала посудой. В ином – нет. Стаканчики не падали, не разлетались на осколки – выполняли прямое своё предназначение: наполнялись, выпивались... Под вечер белые халаты слетелись в ординаторской. Там, как доложил всезнающий Коля-якут, имелась коробка с гранёными стограммовыми стаканчиками. Они давно стали раритетом, промышленность не выпускала подобную посуду, но их любил всеми уважаемый заведующий отделением.

– Золотая рука, – говорил о нём с придыханием Коля-якут.

Коля четвёртый месяц ждал, когда «рука» сделает ему операцию. Заведующий на празднике не присутствовал, зато его любимая питейная посуда была пущена в ход.

Вскоре из ординаторской начли долетать праздничные звуки: залиvistый женский смех, громкие реплики.

– Мы 8-й Марта тоже на большой палец гуляли, – с тоской сказал Коля-якут собратьям по 5-й палате, которая находилось как раз напротив ординаторской.

В один медицинскому застолью сделалось тесно в стенах ординаторской, белые халаты в радостном возбуждении вышагивали в коридор, пролетали мимо палат с болящими. В один момент дверь ординаторской с треском распахнулась, раздался мужской голос вослед цокающим женским каблучкам:

– Да куда ты уже?

– Замороженный курочку гонять хочет, – сказал Коля-якут, когда забухали по коридору мужские шаги.

– Тогда уж Отмороженный, – поправил смахивающий фигурой на длинную сухую жердь Игорь из Абакана, лицо у него отдавало желтизной. – Как в том анекдоте: курица думает – не слишком ли быстро бегу, петух – не догоню, так согреюсь.

– Совсем обнаглели, – осудил пернатые гонки из своего угла Сараев.

– Молодые, здоровые, – добродушно сказал казах Булат, – пусть гуляют. Как в русской песне:

Я пить буду и гулять буду,
А смерть придёт – подыхать буду!

– Умирать, – поправил Игорь.

– Мне один старик-целитель сказал: всё равно сдохнешь! – не изменил версию поэтической строки Булат.

– Зачем сдохнешь? – возразил Коля-якут, – поперёк батьки яма зачем? Жить надо, плясать надо, курочку гонять надо!

– Плясать он с курочками-дурочками захотел, – заворчал Сараев и отвернулся к стенке. – Тоже мне петух гамбургский!

– Мечтать вредно не будет, – сказал Булат.

Булат был старожилом палаты № 5, срок его пребывания под медицинской крышей подошёл к полугодовому экватору. Игорь из Абакана третий месяц томился, Коля-якут четыре разменял, как и сибиряк Сараев...

Герой нашего повествования Павел Колобов всего пятый день находился в больничных стенах. С доктором Морозкиным, которого Коля-Якут назвал Замороженным, а Игорь – Отмороженным познакомился вчера на процедуре колоноскопии. Соседи по палате иронизировали над доктором, тем не менее считали его профессионалом своего дела, собственно, других в отделении не держали. Это Павел знал ещё до того, как попал в больницу. Однако чеховской интеллигентностью доктор Морозкин не отличался. Было ему лет тридцать пять. Широкий в плечах, в руках чувствовалась сила.

– Шланг длина полтора метра в тебе вот так, вот так пихай! – просвещал Павла Коля-якут накануне процедуры, энергично показывая жестами толкательные действия медперсонала. – Засунут маленько, потом фить – надуют, посмотрят-посмотрят твоя состояния и дальше вот так, вот так пихай, опять фить – надуют... До самого горла пихают-надувают...

Перед началом процедуры доктор Морозкин с улыбочкой сказал Павлу:

– Готовьтесь, сейчас будем делать приятную операцию.

– Если кто и получает от неё кайф, мазохисты разве, – невесело пошутил пациент.

– Почему, – многообещающе произнёс Морозкин, – тоже получите.

– Кайф ладно, побочного эффекта не получить бы, – Павел прочитал в интернете, случаются прободения кишечника при колоноскопии. Вероятность невысокая, меньше процента, но есть. – А то выйдет, – добавил он, – одно лечим – два калечим.

– Что главное в танке? – спросил Морозкин тоном, каким задают вопросы несмышлёным детишкам. – Правильно, главное в танке штаны сухие! Не беспокойтесь – у меня побочных эффектов-дефектов не бывает... Так что расслабьтесь и получайте удовольствие. Знаете песню: «Не страшны в саду даже шорохи!» Так что всё будет тики-тики.

В коридоре опять празднично зацокали каблучки женских туфель.

– Морозкину, как настоящему мужчине, всем курочкам подарки поднести надо, – изрёк долговязый Игорь, – а их вон целый птичник!

– Он на стол деньги давал, – пояснил всезнающий Коля-якут, – и мимоза приносил полный пакет, каждой по ветке.

– Слушай, якутский разведчик, – спросил Игорь, – скажи-ка нам, что сам даришь жене-красавице в Женский день?

Подвижный Коля будто ждал этого вопроса. Подскочил с кровати, на которую минуту назад сел, и заговорил быстро:

– Я третий класс дурака был совсем, маме дарил одеколон «Шипр». Думал, папа «Тройной» мажется, а «Шипр» – зелёный, бутылочка красивый, женский будет. Папе «Тройной» на День Советской Армии, маме – «Шипр» на Женский день. Дурака малолетний, что с него брать ума.

– Мать не погнала метлой с таким подарком?

– Не, мама хороший. Обрадовалась. Спасибо сказал. Ошибка я потом узнал.

– А жене красавице что даришь? – повторил вопрос Игорь.

– Жена всегда цветы вручай, дочка – тряпки, но это жена покупай, а ей цветы любит, – сказал Коля.

Сказал и заулыбался чему-то своему. Надо понимать, мыслями перенёсся домой в Якутию, к жене, дочерям...

– А ты что жёнам дарил? – обратился Игорь к казаху Булату.

Тот лежал на кровати, уставившись в потолок. Из одежды его костистое тело прикрывали одни трусы. Не сказать, что в больнице было жарко, но Булат мог вообще без всего пребывать

на площадях своей палаты. «Кожа должна дышать, – говорил, – здесь воздух вкусный. Это не у нас на Арале».

– Деньги давал, – коротко ответил Булат, всё также глядя в потолок. – Ни одна не отказывалась – ни Айгуль, ни Гульнара, ни Алина. Я и сейчас всем – развод, не развод – даю. Жалко что ли!

– А Розу поздравил? – спросил Игорь.

– Он шоколадка всей женский палата дарил! – ответил Коля.

– Тебя Коля убивать пора, – сел на кровать Булат. – Много чего знаешь!

– Роза симпатичный женщин, – мечтательно сказал Коля. – Ничего против не сказать!

– А ты, Сараев? – Игорь повернулся к хмурому Сараеву, тот сидел на кровати в клетчатой рубашке, спортивных брюках. В отличие от Булата, он постоянно жаловался на холод в палате.

– Я бы ещё время тратил на магазины, она торгаш всю жизнь! Как семнадцатилетней ссыкухой пошла учеником продавца, так до сих пор из-за прилавка не вылезает. Перед праздником доложит: «Я себе от тебя на 8 Марта платье купила! Ты, надеюсь, не возражаешь против платья?» Да хоть фуфайку мне-то что! Но у неё семь пятниц на неделе, через пару дней подарочное платье превращается в туфли. «Платье от тебя, – скажет, – не мой фасон. Поменяла на туфли от тебя». Да хоть сапоги кирзовые возьми от меня с фуфайкой вместе. Что платьев этих, что туфель полные шкафы вечно набивала. Одно продаёт, другое покупает. Ум-то бабий, а в заднице шило деньги тратить покоя не даёт.

– Ты, Сараев, не романтичный, – сказал Игорь. – Женщина – украшение жизни!

– А ты своему украшению чё дарил? – с вызовом бросил Сараев.

– Я-то? Тебе Сараев не понять. Когда узнал, что заболел, как раз перед её днём рождения врач окончательный диагноз вlepил, достал заначку, на новую лодку копил, и купил Таньке норковую шубу. Давно мечтала. Без неё выбирал, принёс: «На!» Она в слёзы: «Зачем, сейчас деньги как никогда нужны!» А я: «Помни мою доброту!»

– Ну и дурак, – сказал Сараев. – Дурак и уши холодные! Ты загибаешься, она в новой шубе задницей перед другими мужиками крутит!

– Я же говорил, не поймёшь!

Павел на 8 Марта, дни рождения тоже не бегал по магазинам. Давал деньги жене, та искала подарки себе, дочерям и маме Павла. Правда, за цветами ходил сам. Однажды попытался возложить на жену, категорически отказалась: «Ты, дорогой, совсем обнаглел. Букеты буду себе покупать!»

– А я на ружьё коплю! – сказал Коля-якут, после признания Игоря о покупке шубы вместо лодки. – Ружьё хороший хочю. Охота утки ой как люблю!

– Какое тебе теперь ружьё? – скорчил гримасу Сараев, направляясь из палаты в коридор. – Дураки вы малахольные! Ружьё ему. Нам теперь в лучшем случае кефир, клистир и тёплый сортир до конца жизни, которой осталось на одну пердинку, а в худшем – ящик с кружевами.

– Не клистир, а колоноскопию! – уточнил неунывающий Игорь.

Страдания по Павлу

Экспонат от деда

В прошлом году мать рассказала Павлу семейную историю. Когда она училась в медицинском институте, в анатомическом музее демонстрировали студентам поликистозные почки. Живого места не было у органа, так постаралась болезнь. Впечатлительная студентка запомнила жуткую картинку, пособием для будущих лекарей за стеклом банки хранящуюся. Через несколько лет выяснилось: жуткие почки были не чьи-нибудь – свёкра.

– Узнай вовремя, ни за что не вышла бы за твоего отца, – призналась сыну. – На мученья тебя обрекла...

Дед умер в сорок пять лет, отец в сорок четыре, дядя по отцу в сорок восемь, двоюродный брат до сорока не дотянул. Все с одним диагнозом, тем самым, которым был подписан экспонат в музее. Павел разменял пятьдесят. До сорока трёх не чувствовал болезни. Потом началось. Пятый год на инвалидности, выпросил рабочую группу. Постоянно беспокоило давление и почти по графику, где-то на третий-четвёртый месяц делалось невмоготу, уходил на больничный. И рос показатель креатинина. В организме накапливались азотистые шлаки и другая гадость... Третий год предлагали гемодиализ – отказывался.

Креатинин вышел на отметку 700. У здорового человека он до 130...

В отделение трансплантации почек Павел попал по блату – мать подключила медицинские связи. Перед этим скрутило, думал, конец пришёл. Боль пронзала, будто раскалённую кочергу всаживали внутрь и проворачивали...

Когда отпустило, иронизировал: теперь точно знает – любые пытки выдержит. Враг не дождётся от него секретов. Жаль, таковых нет в его голове.

Перед матерью и женой было стыдно. На пике боли понёс: вы меня не любите, я вам камень на шее, ждёте не дождётесь, когда вперёд ногами вынесете. Родные пытались вразумить болящего: надо немедленно в больницу. Он в ответ на заботу зло бросал упрёки: у вас одно на уме – сбegrить на кладбище... Много нехорошего наговорил...

Страдания по Коле-якуту

Олени, мотоцикл, лыжи

Колю-якута Павел, впервые войдя в палату, принял за китайца. Представителей Поднебесной полно стало в городе. Племянница у Павла учительница, у неё в третьем классе пять китайцев. Стекаются потомки изобретателей пороха и фарфора в Россию по шёлковому пути и менее заметным тропкам. Из своего детства Павел только одного китайца живьём помнил. Ездил в гости к тёте в маленький город Ачинск, что в Красноярском крае. Тётя жила в районе, который именовался в народе Стройкой, там обретался дедок китайского рода-племени. Узкие глаза на тёмном круглом лице, седые волосы. Летом ходил в стареньком зелёном пиджаке, зимой в фуфайке и цигейковой шапке с опущенными ушами, больших серых с калошами валенках. С ним Павел сталкивался в бане, на улице. Как забросила судьба китайца в Сибирь, неизвестно, по-русски говорил с акцентом. В бане в моечном отделении садился в углу, мылся долго и неторопливо. После кровавого пограничного конфликта с Китаем на заснеженном острове Даманский исчез из города.

Сейчас китайцев пруд пруди по всей России. Через это Колю-якута Павел принял за представителя Поднебесной. Лицо у Коли под стать китайскому по округлости... Зато жена, Коля показывал фото палате, красавица. Настоящая красавица. Если у Коли глазки щелевидного разреза, у неё – огромные, умные, брови крутыми дугами, ресницы чёрными раструбами, носик аккуратный, лоб высокий, одухотворённый... У Коли прямо скажем – скромных размеров лоб... И весь портрет плоский, как скалкой ровняли...

Долговязый Игорь из Абакана, смотрел-смотрел на фотографию Колиной жены и бросил: – Коля, ну ты на себя и на неё посмотри! Тебя убить мало, такую красоту обезьяньими генами портишь.

Тут Игорь не совсем прав. У Коли четверо детей. Младшие – дочь и сын – походили красотой на папашу. Старшие дочери в мать удались. Что одна, что другая рядом с Колей не стояли.

Игорь частенько доставал Колю по утрам:

– Звонил своим? Как там олени?

На что Коля всякий раз заводился с пол-оборота:

– Мы олени не водимся! Коровы, лошади...

С русским языком Коля плохо дружил.

– Я вас половину понять не разбираю, – мог бросить в раздражении и уйти из палаты.

Павел не исключал возможности – в один момент Коля и Игорь сцепятся в рукопашной по вопросу оленеводства. Кровь у Коли, несмотря на некачественную работу почек, воспламенялась на раз.

В якутской жизни работал по спортивной части. В прошлом мастер спорта по лыжам, набегавшись, стал тренером, и не рядовым – на всю Республику Саха именитым. Среди его воспитанников чемпионы России, призёр чемпионата Европы.

По виду Коля отнюдь не атлет. Невысокий. Но ярости не на одного мастера спорта.

– Осень оглобли в зима поворачивай, – рассказывал о своих экстремальных приключениях, – у берега лёд стекло тонкий, я думай – переплыву. Студент совсем-совсем молодой, голова дурной – бух в воду. Метра сто пятьдесят речка. Ногу судорга сжала. Я ей умоляй: потерпи, хороший, потерпи! Потом баня парю, массаж дам, мазь толстый слой...

Коля любил уговаривать. Одушевлённое, неодушевлённое – не важно... На соревнованиях лыжи для скорости, мотоцикл при поломке...

– Мороз на край градусник, мне, дурака такой, маме с папой ехать горит. Сто двадцать пять километра в один конца. Мотоцикл старичок – «Урал». Жена кричит: «Труп лягу на порога, не пуцу, на ночь смотря...» Я жена в сторону пихаю! Буду я баба совет слушаться.

Рассказывая, Коля-якут ходил ходуном, дорисовывая повествование руками, ногами и всем телом. Жестов было не меньше, чем словесного содержания. Когда речь шла о лыжных гонках, «отталкивался» палками, а повествуя о приключениях-злоключениях с мотоциклом, отчаянно рулил, наклонял тело на поворотах.

– Тулуп надеваю. Морда мороз выдерживает, мотоцикл чихать, кашлять посреди пути. «Отвези на последний раз, – прошу, – пенсия после получать будешь. В гараж на покой ставлю, отдыхай себе, километра ехать не надо». Мотоцикла ни с места. Ночь со звездой тёмная, дураки, как я, нет – пусто-пусто на дорога. Иду пешком, замерзай, силов нет, «ЗИЛ-130» на мой дурака счастье догнал...

Страдания по Павлу

Молитва матери

Как тяжело умирал дед по отцу – Павел слышал от бабушки, страдания отца видел своими глазами. По-детски глупыми. Однажды заскочил в комнату к нему и ляпнул:

– Когда ты уже умрёшь?

Последний месяц отец нормально питаться не мог. Клизмой мать кормила-поила. Физраствор, сливочки... Однажды вышла на кухню, где сидели Павлик и бабушка, и заплакала:

– Боже, как тяжело, как больно...

Вот тогда он побежал к отцу с возгласом «когда ты умрёшь?»

Мать с детства внушала Павлу: раньше или позже, обязательно заболеет. Медик по жизни, умоляла беречься. Не поднимать тяжести, не охлаждаться, не пить, не курить, режим дня: лечь вовремя, встать по графику. Не жизнь, а «человек в футляре». Если уж Христос не был пророком в своём отечестве, будет ли мама родная? Павел делал с точностью до наоборот. Нельзя на солнце жариться? Отлично! Самым любимым видом летнего отдыха стало загораение. И дома, и на юге у моря, куда старался поехать каждый год во времена досемейной молодости. Нагрузки не рекомендуются? Бегал, плавал, с гантелями занимался. Не курить? В десятом классе серьёзно взялся. С наскока – сигарета, спички, чирк и задымил на всю оставшуюся жизнь – не получилось. Тошнило беднягу, выворачивало. Юный организм противился ядовитому воздействию. Не хотел травиться сигаретами. Настойчивый хозяин заставил. И курил пятнадцать лет.

Наперекор наставлениям матери поступал. Но ведь проявилась болезнь позже, чем у деда и отца...

Мать в последние годы много рассказывала о прошлом. Заболел он в два года, да так, что ничего сделать не могла. Температура зашкаливает, чем только сбить ни пыталась – держится. Сорок и сорок, как прилипла ртуть.

Сама терапевт, мать знакомых педиатров подняла. Врачи без предисловий и околичностей ставят диагноз: особо не надейтесь, не жилец. И в больницу направляют.

Нет, наотрез заявила мать, не отдам.

Она уже не девочка, тридцать лет, ребёнок поздний, больше рожать нельзя. Все средства использовала, не помогают. В отчаянии среди ночи начала молиться. Вспомнила, заповторяла, слышанное в детстве: «Отче наш, иже еси на небесех...» И своими словами: «Не дай, Господь Вседержитель, умереть Павлику! Это самое дорогое у меня. Спаси его, Милосердный, спаси, Всемиловитый...»

Стоя на коленях, со слезами просила...

Вся в молитву ушла и вдруг бросила взгляд на кровать, видит – затих сын. Метнулась к нему в панике: умер! Нет, дышит. Положила руку на лобик – мокрый, холодный. Спала температура.

Успокоилась, и вернулась в атеистическое состояние с трезвым объяснением происшедшего: просто-напросто совпадение – на самом деле никаких чудес в решетке. Кризис пошёл на убыль как раз в момент, когда у неё произошло помутнение сознания и за молитву, как за соломинку, ухватилась... Какая только дикость, думала, стыдясь своей слабости, не придёт в голову от бессонницы и страха. Расскажи кому – не поверят: доктор брякнулся на колени, молясь за здоровье.

Павел лет в десять спрашивал её:

– Мама, а Бог есть?

Она туманно объяснила:

– Бог, сынок, это вся вселенная.

Павел получил историческое образование. Дотошный, со временем пришёл к выводу: верь не верь в атеизм, многое говорит о существовании регулирующей силы. Ни одна теория до конца не объясняет развитие человечества. Тогда как библейские сюжеты повторяются в истории многократно. Вавилонская башня сколько раз возводилась на земле. На его глазах в Советском Союзе. До неба доростили ракетами башню. Казалось, рывок – и готово строение под названием коммунизм. Самое совершенное человеческое общество, которое ничем не сдвинешь – ракеты и спутники охраняют.

Хватило лёгкого толчка – и посыпалось костяшками домино.

Вавилонские башни, со злом, безбожием в основании, разрушаются снова и снова... Остальное – экономический упадок, разложение нравов – следствие от главного, приложение к нему, а не наоборот...

Павел вчитывался в Священное Писание и убеждался: библейские сюжеты не мифы, не сказки, даны раз и навсегда, ни один не абстрактный. Вихляющий человеческий ум разве способен создать такую Книгу. Значит, некая сила вдохновляла её написание, стремясь научить человека не наступать на грабли...

Страдания по Булату

Под фюрера

– Булат стригся, Гитлер похож стал! – вбежал в палату Коля-якут.

Следом вошёл Булат.

– Точно вылитый фюрер! – захохотал Игорь.

– Ага! – посмотрел на себя в зеркало Булат. – Ещё бы усики и хай Гитлер! Удружила Роза. Острое лицо Булата с косой чёлкой приобрело хищное выражение.

Но рост у него не гитлеровский – добрых сто восемьдесят сантиметров. Тогда как тянула вся эта высота килограммов семьдесят. Так называемый сухой вес, создаваемый гемодиализом.

Такая же история была с долговязым Игорем, который ростом ещё выше Булата. Как сам рассказывал, доктор-юморист Морозкин перед гемодиализом пообещал сделать из него мумию Тутанхамона. Дескать, будешь стройнее кипариса. И сдержал обещание. Жена Игоря приехала из Абакана и в слёзы, как увидела супруга. Более ста килограммов весил муж, когда сдавала его в больницу – ведра воды в себе носил из-за отказавших почек, а тут мумия ходячая вышла к ней.

– Спрашиваю у Морозкина, – иронизировал над собой Игорь, – когда в пирамиду Тутанхамона направление выпишете? А он хохочет: «Не торопись, в фараоны всегда успеешь!»

Булат – казах по происхождению и остальным признакам. Павел, впервые войдя в палату, его тоже, вкуче с Колей-якутом записал в китайцы. Оба оказались тюркских корней. Но если Коля – огонь, ртуть и ураган, Булат отличался восточной степенностью, был скуп в словах и жестах.

Тем не менее жизнь его протекала бурно, только жён в послужном списке три. Да не гарем, пусть и мусульманин – менял время от времени, оставляя на память каждой по двое детей. Причём, содержал всех. До болезни строительную фирму имел в собственном распоряжении, с экскаватором, автокраном, грузовыми автомобилями.

– И чё? – спрашивал долговязый Игорь. – Какая жена лучше?

– А-а, – делился жизненным опытом Булат, – чем дальше, тем хуже.

– Спросил бы меня, – вклинился в разговор о женской сути Сараев, – что одну бабу возьми, что через дорогу, тот же хрен, только в профиль. Все одним миром мазаны, на одну колодку сбиты.

– Плохо ты их сёк! – сказал Игорь.

– Не, – возразил Булат, – камча у меня всегда на стене на видном месте. Каждую вдоль спины воспитывал. Как без этого.

– Баб только могила исправит! – бросил из своего угла Сараев. – Другого правила на них не придумано!

– И красится, и красится, – осуждал последнюю подругу жизни Булат, – как только дырку в зеркале не просмотрит! Что там можно часами краситься. Зачем я на ней, дурак, женился? Вторая лучше была... Операцию сделают и поменяю...

– На Розу махни! – предложил Игорь.

Казашка Роза лежала в 3-й палате, москвичка. В столице пересадку почек в последнее время не делали, там врачей по судам таскали, подозревая в донорском криминале. Роза подавалась в провинцию. При Павле подарила Булату свитер собственноручной вязки. Цвета бордо. Шикарный. Булат надел под него нарядную чёрную рубашку, в парадные брюки нарядился и пошёл в женскую палату телевизор смотреть.

Под Гитлера не кто иной, как Роза, сделала Булату причёску.

Но Павлу казалось Булат повышенных чувств к Розе не питал. В больнице рассказывали: в некоторых городах есть клубы гемодиализников, в их среде даже браки случаются.

– Нужен он Розе! – сказал Сараев. – Она в Москве здорового мужика найдёт. Бабы живучие, что кошки, у них и операция лучше проходит. Мне в один день с бабой делали. От одного донора почки. Так она на третий день вставать начала, а я пластом пять дней лежал.

К женскому медперсоналу Булат относился без почтения и учёта их принадлежности к прекрасному полу. Привезут его на каталке, помогут на кровать перебраться, полежит-полежит, очухается и тут же трусы снимает. Жарко. Скинет последнюю одежонку и преспокойненько дефилирует по палате в первозданном виде. Молодые медсестры по лечебным нуждам зайдут, заойкают, брызнут за дверь: безобразие! Будем жаловаться! Булат даже рукой интим не прикроет.

– Мужика что ли не видели? – скажет на ойканье. – Ну, а видели, нечего паяться на чужое.

На угрозы медичек пожаловаться главврачу – Булату было ровным счётом наплевать.

Страдания по Павлу

Нетрадиционное лечение

Не сразу Павел решился обратиться Ивану Михайловичу. О нём мы ниже обязательно расскажем подробнее. Когда болезнь стала прогрессировать, Павел решился. С полгода до этого не общались.

– Ждал твоего звонка, – сказал Иван Михайлович. – Слышал про твою болезнь. Конечно, с Божьей помощью можно вылечиться. Сам понимаешь, это не таблетки глотать. Выпил и жди у телевизора резких улучшений. И не магия, поделал над тобой какой колдун пассы, дунул-плюнул и садись к тому же телевизору, руки сложивши.

– Я буду молиться за тебя, просить, – пояснял Иван Михайлович, – ты должен в соратничестве быть. И верить – сила Господа Бога всемогуща. Но, как говорят святые отцы: Бог не может спасти нас без нас. Начинать надо с того, что в первое время каждый день ходить в церковь на литургию, каяться, причащаться, поститься, просить прощения за содеянные грехи. И молиться. Не только за себя – горячо молиться за родных и близких, за нашу православную Россию. А Бог всё может. И почки тебе новые дать. Он Лазаря четырёхдневного воскресил. Умершую отроковицу, дочь Иаира поднял со смертного одра. А единственного сына у матери, вдовы из Наина, помнишь, его несли на кладбище, а тут Иисус Христос с учениками, подошёл и сказал юноше: встань! Ты лучше меня всё это знаешь, осталось только поверить всем сердцем!

Павел попросил жену объехал двенадцать церквей, заказал сорокоусты «о здравии». Себе и Ивану Михайловичу.

– Мне Божья помощь тоже нужна, – говорил он, – сил потребуется много. Заказывай сорокоусты и на меня.

Павел взял у священника благословение причащаться каждый день. И дал обет Господу: не впадать в грех осуждения близких, не винить их в своих болях. С обострением болезни стал домашним диктатором, родным доставалось...

С высоким давлением, слабостью в ногах, болью в коленях ходил Павел в церковь... Иван Михайлович тоже ходил, был рядом, пояснял, поучал:

– Церковь – лучшее место, где мы, грешники, можем общаться с Господом.

Каждый вечер Павел готовился к причастию, читал перед сном молитвы, каноны, составлял список грехов, рано утром шёл с ним на исповедь, выстаивал службу, причащался... Вечером снова в церковь... Подвиг не из лёгких. Без отрыва от производства не совершишь. Взял отпуск... Иван Михайлович наказал каждый день выпивать по литру святой воды. На ночь надевать какую-нибудь лёгкую шапочку, чтобы подкладывать под неё запаянную в полиэтилен гибкую иконку Божьей Матери. Павел коротко постригся, подкладывал иконку Богородицы «Иверская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.